

Анатолий Дроздов

ЗОЛОТЫЕ
АПОСТОЛЫ

Анатолий Федорович Дроздов

Золотые апостолы

Серия «Изумруд Люцифера», книга 2

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30790503
Золотые апостолы: 1С-Паблишинг; Москва; 0101*

Аннотация

Молодой историк Аким приезжает в маленький городок, чтоб опровергнуть легенду о призраке, обитающем в старинной башне. Аким в призраки не верит. Он остается ночевать в башне, и следствием этого становится цепь загадочных и жутких событий. Аким спасает молодую женщину от странного преследователя, но другой женщине повезло меньше: ее находят на улице с разорванным горлом. Аким и спасенной им Маргарите приходится скрываться у добрых людей, одновременно продолжая следствие. Ведь люди в городе продолжают погибать! Аким и Маргарите становится ясно: причина загадочных смертей – огромное сокровище, спрятанное еще во время нашествия Наполеона. А доступ к нему охраняет древнее и безжалостное существо...

Содержание

Часть первая	4
1	4
2	15
3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Анатолий Дроздов

Золотые апостолы

Часть первая

1

– Кости смотреть будете?

Блеклые глаза заведующего искрились хитрецей – он был уверен в ответе.

– Буду!

Он тут же нырнул под стол и появился обратно с картонной коробкой в руках.

– Вот!

Хотя я не настолько силен в антропологии, чтобы по черепу определить пол, но все же не удержался... Череп был небольшой. Классическая форма глазниц, слабо выраженные надбровные дуги, правильный прикус... Нижняя челюсть заботливо прикреплена в суставах провололочкой, как в школьном учебном пособии – кости готовили к показу. Зубы ровные, красивые, без следов истирания и кариеса – человек, чей череп я сейчас держал в руках, умер молодым. И был, наверное, красивым. Юная девушка или мальчик-под-

росток – сходу не скажешь.

Я порылся в коробке и извлек тазовые кости. Повертел в руках. Женщина... Кости были гладкие, коричневатомолочного цвета.

– Обработывали?

Я не сказал «вываривали» – неловко. Он понял.

– Нет, только отмыли.

– Одежда не сохранилась? Хотя какие-то фрагменты?

Он покачал головой.

– Украшения? Что, ничего не было?

Он полез в стол и достал маленький бумажный пакетик. Я развернул. Гладкое серебряное колечко и такие же простенькие серьги. Работа местного ювелира: судя по форме и обработке, вполне могли быть сделаны в восемнадцатом веке. Покойница была из небогатой семьи – дочь или жена мелкого ремесленника. Не настолько важная особа, чтобы быть похороненной в храме у самого алтаря.

– Как видите, все сходится! – в голосе заведующего звучали торжествующие нотки. – Не легенда, а предание. И оно подтвердилось.

Я внимательно посмотрел на него. Коротко подстриженные седые волосы, брови кустиками, бледные губы... На щеках – красные пятна от волнения. Или торжества. В любом маленьком городке с многовековой историей есть такие одержимые. Как правило, все у них вертится вокруг знаменитых земляков или выдающих особ, посетивших или про-

езжавших через эти места. А здесь... Как там писали газеты... Артель строителей по приказу графа, властителя края, возводила монастырь. Северная стена храма постоянно осыпалась, не желая расти вверх. Граф пригрозил строителям жестокой расправой. Тогда они, посоветовавшись, решили замуровать в стену первую женщину, которая пройдет мимо. (Северная, она же левая сторона православного храма – женская, к тому же женщину замуровать легче: мужик может и по голове дать). Самый молодой из строителей побежал в соседний храм помолиться, дабы не пришла первой его юная жена. А пока он молился, она принесла ему обед... Красивая и печальная легенда. После чего на сцену выходит привидение – невинно погубленная душа, шастающая ночами по развалинам монастыря... Газетчики исходят слюной, описывая свои ощущения от пребывания в мрачных развалинах (в таком месте ощущения должны быть соответствующие), из столицы приезжает телевидение... Следующий этап – организованные экскурсии по местам исторического душегубства...

– И все-таки меня смущает ниша, – я решил не давать ему возможности торжествовать раньше времени. – Во-первых, она горизонтальная. Во-вторых, верх ее выложен сводом. Как будто погребальная.

– А кто вам сказал, что замуровывали только в вертикальных нишах?! – лицо заведующего филиалом пошло пятнами. – Что, был стандарт? Это вам не в кино! А если вспом-

нить: они хотели, чтобы стена не осыпалась, поэтому заложили жертву в основание. Свод... Над ним еще десять метров стены! Бетонных перемычек в ту пору не было... И вам прекрасно известно, что в то время в храмах уже не хоронили. Тем более, таким способом. Разбирали пол, рыли яму, а уже над ней возводили саркофаг. Восемнадцатый век, язычество еще в крови, так что замуровали – не спорьте.

Спорить я не стал и, вздохнув, сложил кости в коробку. Заведующий тут же спрятал ее под стол. Первый раунд был за ним. Но он рано радовался.

– Я хочу здесь переночевать. Как и другие ваши гости.

К моему удивлению, он ничуть не смутился.

– Пожалуйста.

Мы вышли на винтовую лестницу и поднялись этажом выше. Комната была такая же шестиугольная, как и кабинет заведующего (башня звонницы, типичная архитектура того времени), но практически без мебели. Если не считать таковой железную кровать, застланную домотканым покрывалом, одинокий ветхий стул и алюминиевый рукомойник на стене. Под рукомойником стояло неопрятного вида помойное ведро. Более чем аскетично. А чего ты ждал от монастыря?

Я отвернул покрывало – постельное белье под ним оказалось свежее. Гостей здесь ждали.

– Вы действительно этого хотите?

В голосе его слышалась неподдельная тревога. Но я не ку-

пился.

– Просто мечтаю.

Он кивнул и вышел, зачем-то немного повозившись за дверью. Я бросил взгляд на часы. Девять вечера. Полдня мы ползали по развалинам монастыря, пока не стемнело, затем беседа в кабинете... А с утра я проехал четыреста километров, сев за руль ни свет ни заря... В узких стрельчатых окнах звонницы угасал закат, глаза слипались. Я достал из предусмотрительно захваченной сумочки мыло и зубную щетку, простенькое вафельное полотенце висело на гвозде у раковины... Через пару минут я уже лежал на прохладной простыне под стареньким одеялом из грубой шерсти, и успел подумать, что надо было бы позвонить Стасу, как обещал. Но сил не хватило даже поднять веки...

* * *

Выспался я замечательно. Ночь прошла без призраков и кошмаров, и поутру, открыв глаза, я почувствовал себя здоровым младенцем. Солнце в полную силу пробивалось сквозь узкие окна, играя светлыми пятнами на кирпичных стенах, но было еще рано. Я потянулся, прикрыл глаза, и в этот момент мне привиделась Стелла. Протягивая полные руки, она жарко шептала: «Что ж ты совсем забыл меня, Акимушка? Или тебе не было хорошо? Ведь мы так любили друг друга! Приходи, любимый...»

Встрепенувшись, я сел на жалобно скрипнувшей койке. Только не Стелла!..

Она появилась в архиве месяц назад, а я, как назло, вел прием. Жгучая брюнетка с томным взглядом карих глаз... Одежда на ней, казалось, трещала под напором молодой здоровой плоти. Мы встретились глазами, и она пригласила меня зайти к ней вечером под тем предлогом, что дома у нее – редкий старинный документ, пергамент, подтверждающий ее претензии на титул. Я купился на пергамент, как дитя на конфетку. Разумеется, никакого пергамента не оказалось, а Стелла встретила меня в прозрачном халатике, сквозь который было видно куда больше, чем нужно, чтобы завести мужика...

Я выполз из ее квартиры утром, с расцарапанной в кровь спиной, улучив момент, когда она задремала, притомившись от собственных стонов и криков. Стас, когда я рассказал ему все, заключил мрачно:

– Выходит, что она тебя твоим же всю ночь и имела.

Разумеется, он использовал другие слова. И суть была именно в них. Меня и моим же... Месяц я прятался, как заяц. Она приходила в архив, как на работу, и Стас прикрывал меня свой широкой грудью. Втайне я надеялся, что, разозлившись, она потащит смотреть пергамент Стаса, тем более что он вроде не против, но Стелла на мохнатого колобка не позарилась. Ей нужны были все сто девяносто три сантиметра мускулистого тела Акима. Поэтому я с легким сердцем

удрал в эту дурацкую командировку...

За дверью слышались шаги, затем какая-то возня, и в комнату влетела девочка-подросток. В руке она держала швабру. Выбежав на середину комнаты, она с любопытством уставилась на меня.

– Это вы вчера приехали?

– Доброе утро.

– Здравствуйте, – ничуть не смутившись, поправилась она, не переставая все так же пристально меня разглядывать. – Вы из столицы?

– Так точно.

– Приехали привидение смотреть?

– Приехал. Только не смотрел. Куда вы его спрятали?

Она рассмеялась. Сноп света из узкого окна, казалось, просвечивал насквозь ее легкую футболку и коротенькую юбочку, открывая бессовестному мужскому взгляду розовое тело. Она перехватила мой взгляд. Черт бы подрал эту Стеллу!

– Мне, между прочим, заведующий даже кости показывал, – заторопился я, чтобы скрыть неловкость. – Нашли здесь в стене невинно убиенную.

– Дедушка? – снова засмеялась она. – Он всем их показывает.

Дедушка? Почему бы и нет? Он заведует филиалом музея, внучка убирает. Деньги – в семью!

– Только все это неправда, – продолжила она весело, – ни-

кого здесь живьем не замуровывали. Это Ульяна. Она сама умерла.

– Какая Ульяна?

– Бабоед. Ей было осмнадцать.

– Ты хочешь сказать: восемнадцать?

– Осмнадцать, – упрямо повторила она. – Как раз на Успение стукнуло. И в этот же день она умерла. Сразу. От чего – никто не знает.

Я почувствовал, как по спине пробежал знакомый холодок. Так было не раз, когда в своих розысках мне случалось наткнуться на редкий, еще никем не описанный документ. Эта маленькая уборщица удивительно много знала.

– Почему же ее похоронили в стене?

– Почему? – повторила она. – Ну, это... Она очень красивая была, и в нее парень один до смерти влюбился. Онисим Брага. Его родители были богатые и не хотели, чтобы он женился на дочке бедного каменщика. Они тайком встречались, а когда Ульяна умерла, он тоже умер. В тот же день. И родители его сказали, что Ульяна – ведьма, Онисима сначала присушила, а потом сгубила, поэтому ее не стали отпевать и запретили хоронить на кладбище. В ту пору ведь могло так быть?

Я кивнул. Еще как могло! И не только в восемнадцатом веке, но и в девятнадцатом. Даже в начале двадцатого случалось...

– Тогда папа Ульяны, Микифор, очень обиделся и сказал:

не хотели один раз над моей дочкой помолиться, будете молиться постоянно...

Я чуть не вскочил с койки, но вовремя вспомнил, что на мне ничего нет. Ну конечно! Все разъяснилось. Даже с гладким обручальным колечком. Обычай надевать его на палец умершим юным девушкам сохранился до сих пор. Ай да Микифор Бабоед! Фамилии соответствовал. В те времена «ед» означало другое, на букву «ё»...

– А ты откуда все знаешь?

Она насупилась:

– Знаю, и все.

– Дедушка рассказал?

– Нет, – ответила она серьезно. – Дедушка про Ульяну ничего не знает.

Я не стал уточнять, почему она держит дедушку в неведении. Не мое дело. Пора вставать.

– Мне нужно одеться. Отвернись.

В ответ она только хмыкнула, не переставая нагло пялиться. Ну!..

Я отбросил одеяло и потащил одежду со стула. Она стояла, бессовестно разглядывая, как я, повернувшись к ней спиной, натягиваю трусы, а затем – брюки. И вдруг спросила, хихикнув:

– Вы всегда спите нагишом? Без ничего?

Я не нашелся, что ответить, сразу. Обернулся к ней. И не успел.

– Родинка!

Я подавился готовыми вырваться словами.

– Родинка! – еще раз радостно воскликнула она, бросила швабру и, подбежав, ткнула пальцем мне в грудь. – Красная, круглая и под правым соском.

Я невольно глянул вниз. Она тут же убрала палец.

– Да, родинка. Что из того?

– У меня такая же!

Прежде чем я успел что-нибудь предпринять, она рывком стащила с себя футболку. Лифчика под ней не было. И я увидел под округлой девичьей грудью красную выпуклую родинку. Невольно сглотнул.

– Смотри, у тебя она под правой грудью, у меня – под левой. Как и должно быть. Если мы сейчас...

Она вдруг легонько толкнула меня, и я, не устояв, рухнул на койку. В следующий миг она шлепнулась на меня сверху – грудь к груди. Я увидел прямо перед собой большие синие глаза, сверкающие медным блеском пряди волос и россыпь маленьких веснушек на румяных щеках... На мне словно двести двадцать закоротило. Хорошо, что успел надеть брюки...

Сжав зубы, я схватил ее за худенькие плечики и решительно снял с себя. Поставил на пол. Она смотрела обиженно. Сколько ей? От силы шестнадцать... Не хватало еще вляпаться здесь в соvrращение несовершеннолетних.

– Тебя как зовут?

– Евдокия.

– Дуня, значит.

– Евдокия! – насупилась она.

– Пусть так. Почему ты, Евдокия, бросаешься на людей?

– Ничего я не бросаюсь, – заторопилась она. – А просто хотела показать, что если мы... Ну, соприкоснемся... то наши родинки придутся одна против другой...

– Ну и что?

– Какой ты!

Глаза ее налились влагой. Но меня слезами трудно пронять. С этими козочками надо поосторожнее.

– Вот что, – я поднял с пола швабру. – Ты пришла сюда убирать, так и займись. А у меня дела.

– Я не уборщица.

Я удивленно посмотрел на нее.

– Этой шваброй дедушка на ночь двери запирает. А то тут один ночевал до тебя, ночью ему что-то привиделось... Он с испугу выскочил на лестницу и покатился... Руку сломал, – она помолчала и добавила мстительно: – Надо было, чтоб ты выскочил! И шею себе сломал. Вот! – она показала язык и, вывернувшись, выбежала из комнаты.

Я сел на койку со шваброй в руках. Командировка, и в самом деле, получалась дурацкая...

– Вы не ночевали в гостинице!

– Так точно!

Администратор смотрела на меня с осуждением. Рыхлое, расплывшееся лицо с глазами-щелочками. Наверное, сидит здесь еще с советских времен, когда номера командированным доставались по блату или через подношение. Времена ушли, а привычка командовать осталась. И я добавил:

– Следующую ночь я тоже проведу не здесь.

Лицо ее посерело от такой наглости. Но, видимо, она тоже вспомнила о новых временах. И вместо грозной тирады я услышал жалкое:

– Зачем вам тогда номер?

– Чтобы спать днем.

Оставив ее пережевывать услышанное, я забрал ключ и поднялся к себе. Как ни странно, но горячая вода в душе была, и я с удовольствием вымылся. Затем спустился в буфет позавтракать. Ассортимент закусок здесь был бедноват, но мы – народ неприхотливый. И не такое случалось...

Снова поднявшись номер, я развалился на покрывале нетронутой койки, раздумывая, как убить время до вечера. Нет ничего более тоскливого, чем решать эту проблему в маленьком провинциальном городишке. Днем здесь работают, вечером спешат по домам к семьям, и после девяти в боль-

шинстве окон уже гаснет свет. Здесь ничего и никогда не происходит. Глухомань...

Стасу я позвонил еще из башни. Он, видимо, только проснулся, поэтому недовольно мычал в микрофон в ответ на мое бодрое приветствие. Наконец, придя в себя, вымолвил недовольно:

– Мог бы и вчера связаться! А то трезвонишь, когда на работу надо...

– Стасик, дружище! – заворковал я, всерьез опасаясь, что он бросит трубку – с него бы случилось. – Вчера замудохался на этих руинах, а сегодня подняли ни свет ни заря. (Я всегда стараюсь говорить правду. Разве что не всю). – Ты пометь там, пожалуйста, мне надо срочно...

– Ну и что тут срочного, – заворчал он, записав. – По приезде нельзя проверить?

– Нельзя, милый, – изошелся я медом, – дело требует.

– Ну, не знаю, – начал он, и я сразу почувствовал железную хватку Стаса. – Это ж сколько дел надо поднять...

– Каких дел?! – не сдержался я. – Все известно! Ульяна Бабоед умерла на Успение, в 1795 году от Рождества Христова, ровно восемнадцати лет от роду. Записи о смерти может не быть, поскольку не отпевали, но о рождении – наверняка. Онисима Брагу отпевали, поэтому запись будет. Имена православные, посмотреть по церковным книгам. На полчаса работы.

– На полдня, – деловито поправил Стас. – И то при удаче.

В этом захолустье в то время могло быть с десяток церквей. К тому же книги могли не сохраниться. А у меня заказ.

Стас был прав, и я сдался.

– Ко мне на днях приходил человек. На большую родословную.

– Фамилия?

Он клюнул.

– Залесский.

– О-о-о!..

Даже не видя, я понял, что Стас в эту минуту сделал стойку, как охотничья собака на дичь. Только Стаса дичь не интересовала. Фамилия, заканчивающаяся на «ский» или «ич», сулила быстрые и легкие деньги.

– Серьезный человек?

– Сказал, что расценки у нас смешные.

Даже за четыреста километров было слышно, как застонал у себя дома Стас. Теперь из него можно было веревки вить.

– Отдаешь все?

Это уже было наглостью. Но Стас при запахе денег теряет голову.

– Попролам. Предварительную работу я уже провел. Тебе только написать заключение.

– Какую работу! – он все еще не мог смириться с тем, что куш придется поделить. – Десять готовых росписей... Бери любую!

– А кто эти росписи составлял? Знаешь, я могу и не спе-

шить...

– Ладно, – даже здесь было слышно, как он вздохнул. Лучше половина, чем ничего. Когда вопрос ставили так, Стас начинал мыслить рационально. – Сделаю. Сам перезвоню.

В наушнике коротко запиликало. Я спрятал мобильник в карман. Договорились...

Когда служишь в государственном архиве, да еще ведешь прием посетителей, лучше иметь звучную фамилию. Я это понял, когда после первого курса пришел сюда на практику, и заведующий отделом, взяв мои документы, поднял брови домиком. Я и без него знал, что Ноздрины-Галицкие – древний род, многочисленные отпрыски которого веками верно служили многочисленным государям. Мой самый древний из известных предков, Иоаким Ноздрин, был бригадиром при Анне Иоанновне, самый удачливый из его потомков стал генерал-аншефом в последний год царствования Екатерины Великой, прадед встретил первую мировую войну генерал-лейтенантом, а его сын, мой дед, – штабс-ротмистром. Ничуть не колеблясь, штабс-ротмистр перешел на службу к новой власти (от старой ждать почестей и чинов не следовало) и подвизался поначалу в должности военспеца – правда, благоразумно сократив при этом свою фамилию наполовину: дворянское «Галицкий» пропало из нее на семьдесят лет. Удивительно, но это обрезание спасло жизнь деду во времена, когда даже к командирам пролетарских кровей приезжали по ночам люди в фуражках... Дед завершил войну гене-

ралом, а на долю отца войны не случилось, поэтому он вышел в отставку полковником. Если добавить, что всех старших сыновей в нашем роду звали либо Сергей Акимович, либо Аким Сергеевич, можно представить, с каким наследством я порвал одиннадцать лет назад, когда род, наконец, вернул себе полную фамилию.

— Щенок! — кипятился отец (как все военные, он не привык стесняться в выражениях). — Я не для того тебя растил, чтобы ты перебирал бумажки в архивах!

«Растил» — это было громко сказано. Отца в детстве я видел редко — казарма была ему роднее.

К счастью, на дворе стояли другие времена, более послушные дети отцовских сослуживцев убегали из ставшей никому не нужной армии, и отец быстро умолк. Только иногда, заглянув в мою комнату и, как обычно, застав меня за книгами, ворчал себе под нос. Что-то вроде: «Историк сраный»...

В университете я познакомился со Стасом, и там мы открыли жилу, которую с успехом разрабатывали и поныне. Помог случай. Имущественное расслоение общества в ту пору уже шло вовсю, и когда богатый однокурсник пригласил нас на день рождения, два бедных студента долго думали, как не ударить в грязь лицом. Идея осенила меня, а Стас довел исполнение до блеска. Мы неделю просидели в архиве. Фамилия одноклассника была Лопата. Трудно было даже представить, что наши поиски приведут к успеху, но я вспомнил, что в бумагах семнадцатого века встречал такое

дворянское прозвище. В любом случае Лопата звучала благозвучнее Кобылы, потомок которого был первым герольдмейстером у Петра I, а фамилия знаменитого Татищева в переводе со старославянского означала «Ворищев». Мы не особо утруждали себя исторической правдой, переписывая в тетрадь мнимых потомков реального Лопаты, а Стас долго хихикал, развешивая их на мифическом родовом древе. Исполненное на специально подобранной бумаге, в красивой рамочке, древо смотрелось солидно. К тому же у Стаса оказался замечательный почерк, и он запросто мог симитировать устав и полуустав. Мы рассчитывали на чувство юмора однокурсника, но забыли, что он, вечный двоечник, даже свою единственную практику в архиве ухитрился замотать...

Подарок был принят всерьез и прошел «на ура», а в разгар застолья к нам заглянул отец однокурсника, владелец процветающей компьютерной фирмы. Сын похвастался, отец долго рассматривал родовое древо, а потом тихонько пригласил нас к себе в кабинет. И там, заперев за нами дверь, спросил строго:

– Все это правда?

Стас замялся, а я выпалил:

– Неделю сидели в архиве!

(Уже тогда я понял, что не обязательно врать, чтобы сделать человеку приятное).

– Спасибо, ребята! – растроганно сказал потомок благородного Лопаты, горячо пожимая нам руки. – Дед говорил,

что мы не из простых, но я не верил – с такой-то фамилией! Выходит, дед прав. Повешу это у себя в кабинете – пусть знают, с кем имеют дело! А вам за труды... – он полез в карман и сунул мне в руку зеленую бумажку с портретом президента Гранта.

В коридоре мы со Стасом переглянулись и без слов поняли друг друга. На завтра я отнес текст в газету бесплатных объявлений...

Университет мы окончили с красными дипломами и дружно попросились на работу в государственный архив, где нас уже хорошо знали и искренне считали будущими светилами исторической науки. Архив вполне официально оказывал услуги по поиску родословных, но добрая часть соискателей дворянских титулов, узнав, что на это уйдет не менее трех месяцев (Стас мог пообещать и полгода) при полном отсутствии гарантии, что дворянские корни отыскать удастся (что было чистой правдой), попадали в ловко расставленные сети фирмы «Ноздрин-Галицкий и К». (Стас Козлов на полное участие в названии не претендовал.) Зато Стас оказался феноменально талантлив по части психологического воздействия на клиента.

– Сначала беседовать с ним должен ты, – наставлял он меня в начале славного пути. – Он увидит перед собой здорового красавца-гвардейца (не спорь, при государе-императоре служить бы тебе в гвардии!) со стопроцентно дворянской фамилией и поймет, на что претендует. Устрашится. А

когда мы вынесем ему это дворянство на тарелочке, стирая со лба ручьи пота от непосильных трудов, бумажник у него сам собой раскроется...

Мне едва удалось уговорить его не делать однозначных заключений в наиболее тяжелых случаях. «В связи с гибелью необходимых документов во время многочисленных войн и революций трудно сделать окончательный вывод... в то же время вероятность совпадения чрезвычайно высока...» Даже в таком тексте человек при желании (а желание у него есть!) найдет, что хочет. Но убедить Стаса сортировать клиентов я не смог. Он искренне считал, что человек не должен уходить от нас, не заплатив, и своим убеждениям не изменял. Однажды он выдал дворянскую родословную банкиру с фамилией Рабинович, сославшись на некого Рабиновича, который в девятнадцатом веке vykрестился в православные и на статской службе получил чин коллежского советника, дававшего право на наследственное дворянство. Он бессовестно скрывал от клиентов, что освобожденные от крепостного права крестьяне скопом принимали фамилии бывших господ (отчего в России тысячекратно возросло число Шереметевых и Гагариных), а в присоединенных в восемнадцатом веке к России Польше и Литве каждый четвертый считал себя шляхтичем, что невероятно облегчало задачу корыстного исследователя.

– Мы же не хлеб голодным продаем, – рассуждал Стас, когда я доставал его упреками. – Думаешь, они сами не по-

нимают, что никаким дворянством в их сермяжном роду не пахнет. Им хочется иллюзий. А иллюзии стоят дорого... Хорошо тебе – бабы сами на шею вешаются. Я меня любят только за деньги...

При последнем аргументе я умолкал. Природа жестоко подшутила над Стасом, наградив его блестящим умом и обделив остальным. Стас был мал ростом, толст и волосат. И хотя у него имелась подлинная родословная, подтверждавшая трехвековое дворянство, предки его прямо роились в Бархатных книгах, но это, как и деньги, помогало плохо: женщины его избегали. Даже Стелла побрезговала...

* * *

Стас позвонил после полудня, когда я уже добивал купленный в газетном киоске детектив.

– Нашел! – без долгих предисловий сообщил он. – Онисим Брага действительно умер на Успение и отпет в церкви Покрова. Вообще странная запись: указано, что умер от «злого чародейства». Для конца восемнадцатого века – редкость. В отношении Ульяны Бабоед, как ты и говорил, записи об отпевании нет, но есть о крещении. Крестили на восьмой день после Успения 1877 года в церкви Преображения, родители – Микифор Бабоед, каменных дел мастер, и жена его Евдокия, урожденная Нестерович. Крестные из той же среды – каменных дел мастер и жена его...

– Спасибо! – сердечно поблагодарил я.

– Это еще не все, – довольно промолвил Стас. – Я на всякий случай в ревизские сказки заглянул – их как раз составляли после присоединения к России новых земель. Словом, к концу века у Микифора Бабоеда оставалось еще трое сыновей – Микифор, Микита и Микола. Почему-то все на «м», – хмыкнул он. – Двое на момент переписи были уже женаты, но жили с отцом, дочь Ульяна не упоминается. Либо действительно умерла, либо вышла замуж. Что касается семейства Браги, то на момент составления сказок у них дети не указаны. То ли Онисим был единственным, то ли другие женились или вышли замуж и жили отдельно, – он помолчал и добавил: – Мне стало любопытно, от чего Онисим и Ульяна умерли такие молодые, и я полистал книги. Не похоже, чтобы в то время наблюдалась какая-то эпидемия. Количество отпеваний в течение года примерно одинаково.

– Ты чудо, Стас!

– Кто б сомневался! – прыснул он, и я словно увидел, как расплылось в улыбке его широкое лицо. – А зачем тебе эти провинциалы? Для диссертации? Так не по теме.

– С командировкой хочу разобраться побыстрее.

– Правильно! – одобрил Стас. – Работы и здесь хватает. Когда вернешься?

– Завтра, – сказал я, еще не догадываясь, насколько легкомысленное обещание даю...

Спускаясь в буфет пообедать, я чувствовал себя не в сво-

ей тарелке. С одной стороны, было радостно, что завтра уже можно ехать домой. Честно говоря, можно было и сегодня, но Николаю Ивановичу, любимому шефу, вряд ли понравится такая спешка – научная корректность требовала от меня пожертвовать еще одной ночью. Николая Ивановича в архиве любили все. Он не только закрывал глаза на наши побочные заработки (прекрасно понимая, что официальная зарплата дает нам только одно право – умереть с честью). Он искренне вникал в проблемы каждого, и не одна научная карьера стала следствием его внимания и поддержки. Моя не ладилась. Недописанная диссертация не первый год пылилась в столе, и «остепенившийся» год назад Стас имел полное право меня упрекать. Я же утешал себя тем, что у него, обделенного женским вниманием, больше времени...

Тем не менее, выйдя после обеда на гостиничное крыльцо покурить, я обрадовался самой мысли, что менее чем через сутки уже буду подъезжать к столице, и этот городок с его скучными жителями скоро забудется, стершись в сознании под напором привычных дел. По правде, мне и вовсе не следовало ехать в эту Богом забытую Горку. Но отказать любимому шефу было «западло», как говорила одна моя давняя подруга с богатым опытом общения в специфической среде. В министерстве культуры заинтересовались многочисленными публикациями о местном привидении, но для проверки решили послать человека не из аппарата. Потому что аппаратчик не преминул бы составить положительную реля-

цию, сулившую дополнительное государственное финансирование заброшенному филиалу и открытие гарантированного туристского маршрута.

Август был на исходе, мягкое тепло последних дней лета ласкало тело, площадь перед гостиницей была пуста, и только кудлатый пес, развалившись на старой брусчатке, млеет под солнечными лучами. Я докуривал сигариллу, когда увидел эту машину...

* * *

Машина была нарядной, как майская бабочка, – в Горке на таких не ездили.

Пролетев мимо по пустынной улице, она скрылась за домами, но через несколько секунд появилась снова – наверное, развернулась на ближайшем перекрестке. В этот раз машина ехала тише, степенно, и у проезда свернула к гостинице. Водитель не спешил выходить, и я успел рассмотреть автомобиль. Это был ярко-красный «бээмвэ» с кузовом купе – нарядная игрушка для большого города. По борту машины, от переднего крыла к заднему, бежал стремительный желто-коричневый орнамент – владельцу «бээмвэ» показалось мало яркой окраски пижонского кузова, он не пожалел денег и съездил в специальную мастерскую...

Дверца машины распахнулась. Поначалу я увидел две стройные ножки в красных туфельках. Они изящно вы-

скользнули из темного проема и одновременно ступили на брусчатку. Затем появилась голова в белой косынке, и через мгновение женщина в красном коротком платье стояла рядом со своей железной игрушкой. Платье плотно облегалo ее тело, повторяя каждый изгиб, и я ощутил, как в груди кольнуло. Женщина, которая знает, как правильно выходить из автомобиля, могла появиться здесь только из другого мира. Такая не шлепнется тебе на грудь с разбегу...

Незнакомка закрыла за собой дверь и с любопытством осмотрелась. На одинокого гвардейца, скучающего на крыльце, она не обратила внимания. Или сделала вид, что не обратила. Подошла к багажнику своего «бээмвэ» и вытащила из него огромный чемодан.

Едва обзаведясь автомобилем, я узнал об этой женской слабости: если есть возможность взять с собой много вещей, которые не придется тащить самой, взято будет по максимуму. И в данный момент это было на руку.

– Позвольте!

Она настороженно посмотрела на меня.

– Здесь нет носильщиков – это не заграница. Рад буду помочь.

– Пожалуйста! – пожала она плечами.

Вблизи она оказалась еще лучше. Точеная фигура, большие серо-голубые глаза. Не писаная красавица, но... Писаной красавицей восхищаются, но скоро забывают. А вот стоит сделать ее лицо чуть-чуть неправильным и добавить

какую-нибудь родинку на верхнюю губу... Родинки у незнакомки не было, но это ничего не меняло. Пока она заполняла анкету у стойки администратора, я тихо млея рядом. Не удержался, потихоньку заглянул через ее плечо (это было не трудно – я оказался выше на голову). Маргарита Голуб, родилась двумя годами позже меня, цель приезда – командировка... Из столицы, живет неподалеку от моего дома, точнее – в полукилометре. А впервые встретились здесь. На безымянном пальце правой руки кольца не было. Не замужем. Женатые мужчины часто не носят обручальных колец, но женщины, особенно молодые, – практически всегда. Приятно похвастаться удачной охотой...

Имя ее казалось знакомым. Я напряг память, пытаюсь разом заглянуть во все ее закоулки – напрасно. Тем временем Маргарита получила ключи, и я потащил чемодан на четвертый этаж.

– Спасибо! – сказала она, когда я занес чемодан в номер. Как вежливый человек, я должен был теперь ответить: «Пожалуйста!» и тихо удалиться. Искать потом другого удобного случая.

– Спасибо в стакан не нальешь!

Она удивленно пожала плечами и полезла в сумочку.

– Ну что вы, Маргарита Михайловна!

– Мы знакомы?

Удивление еще не покинуло ее лица.

– Подсмотрел, когда вы заполняли анкету, – честно при-

знался я. Честность сейчас была к месту. — Меня зовут Аким. Аким Сергеевич Ноздрин-Галицкий, историк. Живу в столице, неподалеку от вас, в собственной квартире без родителей, — вываливал я — только полнота сообщенных о себе сведений могла сейчас помочь. — Не женат и не был. По месту работы характеризуюсь положительно. По месту жительства — тоже. Здесь в командировке.

— И, конечно же, скучаете без женского общества.

— Что вы! Я человек серьезный, — покривил душой я, чувствуя, что сейчас все закончится — искренность не помогала.

— Врете, — безжалостно сказала она, — и это написано на вашем лице.

— А то, что вы произвели на меня неизгладимое впечатление?

— Это тоже, — чуть помедлив, сказала она, и голос ее потеплел. — Присаживайтесь, Аким Сергеевич!

Я не стал дожидаться повторного приглашения.

— Фамилия ваша мне знакома, — задумчиво произнесла Маргарита, устраиваясь в кресле и доставая из сумочки сигареты. — Такая запоминается. Вы, случайно, в газетах не публикуетесь?

— Так точно! — доложил я. Публикации в газетах о происхождении знатных фамилий были частью нашего бизнеса. Брали наши статьи хорошо. И это доставляло новых клиентов.

— А у меня это работа. Я журналистка.

– Приехали привидение ловить?

От одной мысли об этом внутри у меня забил фонтан.

– Привидение? – удивилась она.

Я в двух словах пересказал суть газетных публикаций о замурованной жене каменщика.

– Читала, – вспомнила она, пуская дым к потолку (я услужливо подал пепельницу). – Но наш главный не будет публиковать то, о чем уже сообщили другие.

– А если то, что они сообщили – неправда?

Она с интересом посмотрела на меня. Я торопливо выложил про Ульяну Бабоед.

– Любопытно, – согласилась она и загасила окурок. – Только не сенсация.

– А если выяснится, что и привидения никакого нет? Что это все – хитрый ход с целью привлечения бюджетного финансирования?

– Вот что, Аким Сергеевич, – она глянула на часы. – Через полчаса у меня встреча. А мне надо еще привести себя в порядок с дороги. («Не надо! Не надо!» – хотел сказать я, но благоразумно промолчал.) Обсудим это...

– Вечером!

– Хорошо, пусть вечером, – согласилась Маргарита и встала. Я послушно вскочил следом. – Вы меня найдете?

– Найду! – горячо пообещал я...

– Что будем заказывать?

Я обернулся. И вздрогнул. Она, как видно, тоже не ожидала меня здесь увидеть и изменилась в лице.

– Ты что здесь делаешь?

Вопрос был дурацкий. В руках Евдокия держала меню, а кружевной передничек на строгой темной юбке лучше всяких слов показывал, зачем она в ресторане.

Она промолчала, я взял у нее меню и протянул Маргарите. Та бросила на Евдокию любопытный взгляд. Этот взгляд вернул мне равновесие.

– Не знал, что ты работаешь официанткой. Давно?

– С сегодняшнего дня, – холодно ответила Евдокия и достала из кармана передничка блокнотик с ручкой.

– Тогда рекомендую. Что здесь вкуснее?

– Все невкусное.

– Все-все?

– Все-все. Пережарено, пересолено, переперчено и из несвежих продуктов. Несварение желудка гарантировано.

Я прыснул. Но Евдокия даже бровью не повела.

– Не слишком ты ценишь свою работу.

– Не за что ценить.

– Значит, ничего не порекомендуешь?

– Встать и уйти. Ничего не заказывать.

– Но мы все же рискнем! – вмешалась в разговор Маргарита и протянула ей меню. – С вашего позволения, два бифштекса с картошкой, овощной салат и бутылку красного вина. Вино подайте сейчас.

Евдокия кивнула и пошла к кухне, еле слышно цокая каблучками по плиткам пола. Шла она удивительно легко, словно плыла. Обычно провинциальные девушки ходят как солдаты.

– Вы, я вижу, не теряли времени даром.

Маргарита смотрела на меня, улыбаясь уголками губ.

– Это Евдокия, внучка заведующего, о котором я рассказывал. Сегодня утром познакомились.

– И много успели.

– Да это... – я поперхнулся, вспомнив обряд соприкосновения родинок. О нем лучше было не вспоминать. – Пять минут поговорили, и только...

– А она ведет себя так, будто вы уже пообещали ей платье с фатой, – Маргарита явно наслаждалась моим смущением. – Не обещали? Нет?

Я почувствовал, что краснею. Выручила Евдокия, появившаяся с бутылкой вина и штопором. Штопором она орудовала неумело, я отобрал и открыл бутылку сам. Она пожала плечами и ушла за бифштексами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.